

Михаил Игоревич Клименко родился в 1996 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал в рекламном агентстве «Камелот-Партнер», газетах «Борисоглебский вестник», «Семерочка», «Воронежский курьер». Живет в Воронеже.

Михаил Клименко

СТАНЦИЯ «ВОСХОД»

Рассказ

Солнце пробивалось в вагон электрички ярко-желтыми полосами. Было душно, лишь открытые окна не давали задохнуться окончательно.

Поезд качнуло — сомкнулась электрическая цепь, приводящая состав в движение. «Значит, сейчас тронется», — машинально подумал Вадим.

Ему хотелось курить.

В проходе чуть не повалилась грузная тетка лет пятидесяти с невообразимыми баулами. Вадим даже не попытался встать, чтобы помочь, — детскую привычку помогать слабым ради одобрения окружающих он давно в себе изжил.

Зато к ней инстинктивно подскочила Инга.

— Вы в порядке? — с испугом спросила она. Тетка не ответила, ее вовремя подхватил дюжий рыбак с огромным рюкзаком.

Инга еще несколько секунд смотрела на женщину, которая, преодолевая одышку, благодарила рыбака.

Потом взглянула в окно и тихо спросила Вадима:

— Я в зрелости буду такой же, — тут она запнулась, — крупной? Маму мою видел? Я фотку показывала. Ты будешь меня такой любить?

— Конечно, нет, — ответил Вадим, внимательно посмотрев на Ингу. — Как только ты располнеешь, я сразу найду себе другую. Зачем глупости спрашивать?

Инга сделала театрально-изумленную гримасу, обхватила шею Вадима руками, притянула к себе и слегка укусила за ухо.

Сидевшая напротив некрасивая девушка сердито уставилась в электронную книжку.

— Ладно, хватит, заяц! — Вадим, смеясь, выпутался из объятий Инги, крепко обнял со спины, чтобы она не могла шевелиться. — Так и будем теперь ехать, — сказал он и посмотрел на часы

Было 17:14. Аркадий Викторович ждет в 20:00. В крайнем случае, в 20:10.

Вдруг Вадим ощутил прикосновение к плечу:

— Мужчина, помогите сумку на полку положить, — обратилась к нему старушка в лоснящемся пальто.

«Мужчина, — усмехнулся про себя Вадим. — И давно я так повзрослел?»

Школа кончилась пять лет назад, а действительно, кажется, что прошла вечность.

Электропоезд набирал ход. За окном мелькали ветшающие дачи, словно вышагивающие из прошлого века. Их время давно ушло, земля зарастала бурьяном.

— Мне всегда нравится смотреть на такие дома и представлять, как в них живут люди, — не отводя взгляда от унылых построек, заговорила Инга. — Сейчас живут или когда-то жили? Я думаю о том, как они были счастливы. Правдами и неправдами получили участок, построили свои домики... Чтобы по вечерам собираться всей семьей под абажуром и пить чай. Желтые такие абажуры...

На Инге было легкое летнее платье, подчеркивающее фигуру, и ее любимые белые кеды. Маникюр она не делала уже давно — тонкие, словно детские, ногти были коротко острижены.

— Да никто здесь никогда не был счастлив, заяц, — ответил Вадим. — Так же лямку тянули и думали, где бы шифера урвать кусок, чтобы крышу залатать. Люди не меняются.

— Ты циник, ты знаешь об этом, да?

— Нет, — ответил Вадим.

— Еще какой циник, — продолжала Инга. — Циник и балбес. Ты все это говоришь и гордишься своим цинизмом: смотрите, какой я независимый!

Вадим чувствовал шутливый тон, однако последняя фраза его немного задела.

— Ингус, людям свойственно идеализировать прошлое. Просто в нашем настоящем никакого особого смысла нет, поэтому люди и цепляются за то, что было раньше. Пытаются там что-то настоящее найти. Но я уверяю тебя, за последние 40 000 лет человек никак не изменился, — с этими словами Вадим скрестил руки на груди и многозначительно устремил взгляд вдаль.

«...чтобы победить!!!» — вдруг резко раздалось со спины в конце вагона и смешалось с громким хлопком дверей.

«Черт, этого только не хватало», — уныло подумал Вадим. Вагон будто задрожал, сотрясаемый агрессивной лавиной. Инга испуганно оглянулась через плечо и всем телом прижалась к Вадиму. Ему казалось, он ощущает ее сердцебиение.

— Мы приехали, чтобы победить! Чтобы победить! Чтобы победить!

Вадим вспомнил, что завтра начинается очередной тур РФПЛ. Направление, по которому тащилась их электричка, вело к Москве. Красно-синяя толпа, человек пятьдесят, быстро и плотно заполнила их вагон.

Вадим рассмотрел у одного из парней веер дымовых шашек в руке. От многих болельщиков остро несло перегаром, слышался матерный гул. Некрасивая девчонка, сидящая напротив, оторвалась от книжки и с вопрошающим испугом посмотрела на Вадима.

«ЦСКА — вперед! ЦСКА — вперед!»

Фанаты оккупировали пространство и стали по-хозяйски оглядывать захваченный вагон. Вадим осмотрелся. В вагоне с отрешенным видом сидел тот самый рыбак, спасенная им тетка, несколько старух, высокая худая женщина и трое пожилых мужчин, напоминавших университетских профессоров. На месте кнопки под старой трафаретной надписью «МИЛИЦИЯ» зияла черная пустота.

У Вадима похолодело внутри.

«Ну вот, Вадик, твою мать, — зло подумал он, — поиграл в нигилиста перед несчастной девчонкой, теперь отвечай, “вывози за базар”. Сейчас они тебе покажут, как люди за 40 000 лет изменились».

— Кос, я тебе говорил, надо на паровозе ехать! — крикнул один из фанатов, уже явно перебравший.

— Фигня! — ответил ему лысый парень в черной олимпийке, державший дымовые шашки. — Мы че, вагон не найдем?

Вадиму стало чуть легче. «Армейцев» не устраивала оккупированная территория. Видимо, смущал библейский вид испуганных старушек. Однако фанаты не спешили уходить. Покачиваясь, они властно смотрели на окружающих, некоторые прыгали, развернув красно-синие флаги, кто-то пытался подтянуться на полках для вещей — благо все это происходило на приличном расстоянии от Вадима и Инги.

— Они теперь с нами до конца поедут? — в ужасе спросила Инга.

«Что ей ответить? Что? Идиот, пожалел деньги, не взял такси. Куда теперь тебе эти деньги? Морду разбитую вытирать? Самолюбие на них все равно обратно не выкупишь».

— Нет, заяц, они сейчас уйдут, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Вадим. В этот момент поезд предательски качнуло, один из «армейцев», совсем еще мальчишка, не удержавшись, чуть не упал на них. Парень навалился на Вадима, который успел выставить перед Ингой руку, защитив ее от падающего тела. Юный «армеец» негромко выругался, поднялся и затерялся в толпе. В глазах у девушки напротив читался страх.

Инга прижалась еще сильнее и быстро поцеловала Вадима в щеку.

Вадим заметил, что его руки начинают дрожать. Нельзя было это показывать, нельзя, чтобы страх передался Инге. Почему-то вспомнились собаки, которые начинают бояться, если ощущают испуг хозяина.

Курить захотелось еще сильнее.

— Может, в другой вагон перейдем? — напряженно спросила Инга.

— Сиди, — процедил Вадим. Можно было уйти, но они сели прямо посередине вагона — ее дурацкая привычка. Теперь при движении в любую сторону им надо будет миновать половину прохода, густо заполненного фанатами.

Вадим боялся за Ингу, боялся за себя.

— Ну все, давай дальше, слышь, — слышалось откуда-то из людской гущи, — Кос, э, дальше идем!

— Да ща, погоди, — протяжно ответил лысый.

Только сейчас Вадим заметил, что он уже довольно долго стоит рядом с ними. Фанат рассматривал двух девушек, окружавших Вадима. Его самого он будто не замечал.

— Кос, оглох?

— Отвали, Хонда! — грубо огрызнулся лысый, обдав Вадима перега-ром. Его замутненный взгляд скользнули по бедру Инги, которое обвола-кивало легкое платье.

Вадима снова пробил дрожь. Он судорожно достал телефон, быстро сделал запрос: «цска ближайшая игра». Гугл отрапортовал: «ВЭБ Арена. Завтра. ЦСКА — Уралхиммаш. Купить билеты».

«Да, — подумал Вадим, — сейчас билеты возьмем, а как же».

Лысый наклонился между сидениями, скривился в улыбке:

— Ну че... Куда едем? — Он обращался к Инге, остальные двое для него уже перестали существовать.

«Скотина, падаль, — ругался про себя Вадим, — Господи, чтоб вы передохли все, почему со мной это?..»

В эту секунду он до рвоты возненавидел футбол, стадионы, кричалки, флаги, шарфы, ставки, трансляции по телику, школьные спортзалы и ржавые ворота во дворе с дырявой сеткой.

Инга дышала часто, смотрела перед собой. Вадим сжимал ее руку, забыв о страхе выдать дрожь.

— Ну, куда едем, алле? — как-то безжизненно, но при этом агрессив-но спросил лысый в олимпийке. Чувствовалась тихая тяжесть закипаю-щей злости.

— Слушайте, парни, — заговорил Вадим, обращаясь к лысому поче-му-то во множественном числе, — завтра с Екатеринбургом играете?

Лысый посмотрел на него, как на пролетевшую рядом муху.

— Ну, может, с ними, и че? — оскалился он.

— Да просто интересуюсь, — ответил Вадим, стараясь говорить как можно спокойнее. — Матч на Арене будет?

— На Арене, на Арене... — равнодушно ответил фанат, заглядывая в глаза Инге, которая пыталась ускользнуть от его все более развязного взгляда.

— А во сколько, не подскажешь? — дотронувшись до плеча фаната, спросил Вадим.

Лысый резко переключил взгляд на Вадима, смахнул его руку, уста-вился в лицо:

— Тебя это колышет, что ли, пацан?..

Раскрасневшееся солнце гналось за электричкой. Прорываясь сквозь помехи высаженных вдоль дороги деревьев, алый фонарь катился и буд-то еле-еле попевал за железной серой змеей. Дачные поселки давно кон-чились, рельсы шрамом рассекали никому не нужные поля, теплые лучи высвечивали цапины на вагонных стеклах.

— А ЦСКА — это «Центральный спортивный клуб армии»? — Вадим услышал справа чей-то женский голос, — справа была только Инга.

— Что?.. — спросил лысый и попытался изобразить на своей морде подобие благоговейной улыбки.

— Я спрашиваю, — с расстановкой повторила Инга, — ЦСКА рас-шифровывается как «Центральный спортивный клуб армии»?

— Да-а... — протянул лысый.

— Ого! — воскликнула она. — У меня там брат играл, ну, то есть слу-

жил! Его в армию забрали, он мне по телефону говорил, что попал в спортивную ЦСКА! Это считается? — Инга просияла восхищенной улыбкой.

— А он спортсмен или че? — покровительственно спросил лысый.

— Да! Он в футбол играл, как же он говорил, блин, забыла... КМС, вот! Он у нас КМС!

— Малорик! Давно вернулся?

— Год уже дома. Болеет за ЦСКА! — отчеканила Инга.

— Еще бы, красно-синий — самый сильный! — самодовольно гаркнул фанат.

Сзади его кто-то интенсивно потрепал по плечу:

— Ну ты затрахал, пошли уже дальше!

— Ща, Хонда, идем, — с достоинством ответил лысый и переложил дымовые пашки в другую руку. — Если что, на секторе за Коса спросишь, тебе каждый скажет, где я, поняла?

— Конечно, — улыбаясь, ответила Инга, — как будет ЦСКА играть, обязательно придем!

Лысого к этому моменту уже унесла в другого вагон толпа, скандирующая «ЦСКА, вперед!»

Вадим не верил в происходящее. Какая-то пошлятина. Как у Асадова про смелую комсомолку, или кем она там была? Нутром, шкурой он постыдно радовался, что относительно легко удалось избежать серьезных проблем. Драка все равно была заранее обречена на унизительный провал. Однако это заискивающее поведение Инги, пусть даже и во спасение, отзывалось тяжестью в сердце.

А если бы ее вранье не помогло, и его бы избили у нее на глазах? А если бы убудюк в олимпийке даже после этого от нее не отстал? Чем бы это кончилось? Что бы он сказал ее бабке, еще важнее — кого бы привез Аркадию Викторовичу? Ему бы никогда не простили.

Электричка замедляла ход. О набеге фанатов уже ничего не напоминало. Часы показывали 17:55. Вадим сидел, упершись локтями в колени, поддерживая руками голову, Инга гладила ему затылок тонкими пальцами.

— Красный Раздол, — прочитала Инга название станции вслух. — Какие же странные названия... Что такое «раздол»? Ты не знаешь?

Вадим задумчиво смотрел перед собой:

— Что-то вроде оврага, наверное, не в курсе, — ответил он, не поворачиваясь.

— А почему тогда «красный»? — снова спросила Инга. — В овраге был штаб пионеров-героев?

Инга наклонилась и посмотрела на него, ожидая увидеть реакцию на шутку. Вадим не отвечал.

— Ну, эй, почему ты молчишь?

Инга обняла Вадима и коснулась носиком его скулы. Вадим ощутил ее теплое дыхание.

— Как ты так быстро сориентировалась про брата? Откуда знаешь про спортроты? — Вадиму хотелось извиниться, но акцентировать внимание на своей трусости он не мог. Однако и просто так оставить это, никак не отрефлексировать, было нельзя. Занозы нужно доставать, пока не началось гниение.

Инга прищурилась, заговорчески огляделась вокруг и сказала на ухо Вадиму громким шепотом:

— Потому что у меня и правда есть брат-спортсмен, только это сек-

рет... Но если ты будешь меня обижать, он придет и сделает так! — Инга слегка укусила его за шею, Вадим инстинктивно дернулся. Она рассмеялась.

Девушка с книжкой, уже оправившаяся от испуга, кинула осуждающий взгляд на Ингу.

— Я серьезно, Ингус... Хотя ладно, не хочешь — не говори, — Вадим обнял ее за плечи и выглянул в окно.

Поезд наконец-то затормозил и дернулся, заставив пассажиров качнуться.

— Ну, на самом деле, у меня есть парень, который постоянно рассказывает много интересного, учит меня всяким мужским штукам. Водить, например...

— Да? — тоном ревнивца спросил Вадим. — И что это за козел?

— Эй, не называй его так! — Инга насупилась и легонько ткнула Вадима кулачком в плечо. — Он самый лучший и самый умный. Только иногда все равно балбес, — Инга снова поцеловала Вадима.

Резко ударили двери, в которые недавно вышли «армейцы». В вагон вошел потный мужчина с дочкой лет шести. Инга перехватила взгляд Вадима, подумала секунду и резко схватила его руку.

— Поднимайся, побежали! — вдруг сказала она.

— Куда? — растерянно произнес Вадим, но девушка уже тащила его по проходу.

— Это не наша остановка, Инга! — сказал Вадим, но она будто не слышала, и через секунду они спрыгнули на теплый бетон станции «Красный Раздол».

Вадим щурил глаза из-за солнца. От пыльной платформы поднимался июньский жар. Воздух казался горячим и густым. Вдаль уходила их электричка. Из окон одного из вагонов высунулись несколько рук с зажженными красно-синими файерами.

— И что это за демарш? — с назидательной раздраженностью спросил Вадим у Инги.

Девушка виновато опустила глаза.

— Я просто хотела, я... — Инга не находила слов, беспомощно озираясь по сторонам.

Станцией это место можно было назвать с натяжкой. Красный Раздол представлял из себя короткую бетонную плиту с двумя деревянными скамейками под раскаленным от зноя навесом. Спинки скамеек были сломаны. Табличку с названием станции кто-то старательно изогнул, на ее обороте чернели буквы «РНСР».

«Любимая группа Вики», — внезапно вспомнил Вадим.

Пара ржавых штырей, вырастающая из платформы, держала мемориальную табличку. На потемневший прямоугольник из дешевого мрамора были нанесены фамилии четверых местных красноармейцев, не вернувшихся с фронта. В уши врезались звуки ленточного станка. Видимо, неподалеку располагалась пилорама.

За невысоким заборчиком пышно зеленела густая растительность. Она будто с трудом сдерживалась ограждением: еще немного — хлипкие сварные швы лопнут и на платформу хлынет цветущая лава. От подобных картин Вадима всегда тошнило. Природа средней полосы на самом деле очень однообразна. В школе им постоянно внушали обратное. Вадим верил.

Вдруг непонятно откуда к растерянной Инге подошел пес. Невысокая

лохматая дворняга с навечно испуганными глазами. Ее шерсть покрывали колтуны, собака прихрамывала на одну лапу и постоянно озиралась, боясь опасности. Пес обнюхал колени Инги, потыкался в них носом и лег рядом, положив голову на ее белые кеды.

— Смотри, — с восторгом произнесла Инга, — только не вспугни его.

Вадим сделал шаг в сторону и наконец закурил. В жару курить не очень приятно, но все равно хочется. На станции не было ни души, лишь везде и всюду палящее солнце.

— Он на тебя похож, — сказала Инга, улыбнувшись, как ребенок после удавшейся шалости.

— Да, — ответил Вадим, — я тоже навсегда у твоих ног.

Инга хихикнула: «Балбес!» И, не сходя с места, добавила:

— Я, кстати, из-за него здесь вышла. Увидела, что зверь пить хочет, и решила помочь.

— Какой ты добрый, Ингус, — раздраженно сказал Вадим. — Вообще-то время уже половина седьмого.

Вадим никак не мог до конца прийти в себя — произошедшее в электричке горько саднило.

— Я помню про время, — расстроено произнесла Инга и на секунду отвернулась. — Но мы сейчас дадим ему воды и уедем на следующем поезде. Достань бутылочку, пожалуйста.

Инга налила воду в ладонь и протянула собаке. Пес вскочил и принялся жадно пить, расплескивая воду. Инга подливала в ладонь еще.

— Жалко, нам его покормить нечем, — вздохнула Инга. — Ему же сладкое нельзя. И купить негде. Ну ладно, хотя бы напьется, Барбос.

Вадим ждал, что она скажет об их недавней прогулке по городу.

— В общем-е-м... — протянула Инга, продолжая поить пса. — Мне, конечно, понравилось в кино. Хотя фильм был дурацкий, правда, — Инга улыбнулась. — Я не люблю тупые американские комедии, ты ведь знаешь.

— Так ты сама выбрала, — попытался оправдаться Вадим.

— А днем ничего интересного и не показывают, дуралей! — прыснула Инга. — Но мне понравилось не из-за фильма, а из-за того, что мы с тобой делали...

Инга снизу вверх взглянула на Вадима, сощурившись из-за солнца.

Вадим выбросил окурок на пути, подошел сзади, присел на корточки, уткнулся носом в ее макушку. Волосы Инги пахли летним солнцем.

Дворняга продолжала иступленно расплескивать воду.

Инга потерлась щекой о лоб Вадима:

— Вот что еще... — продолжала она. — Еще, конечно, в парке понравилось. Колесо обозрения (она сказала «оборзения»), я там сто лет не была. Только видишь — в тире стрелять я разучилась совсем.

— В следующий раз дольше там побудем, станешь «Ворошиловским стрелком», — заверил Вадим.

— Когда это еще случится? — серьезно сказала Инга.

Вадим промолчал.

Надо было спешить, он начинал нервничать. Не хотелось выслушивать претензии.

Они отошли под навес. Здесь было душно, но солнце хотя бы не испепеляло лучами. Вадим вытер пот со лба, поджег сигарету и услышал приближение поезда.

Состав, шипя, остановился у платформы. От него валил жар. Эта элек-

тричка была новее — с вытянутой морды высокомерно смотрели диодные фонари. Вадим шагнул в открытую дверь, подал руку Инге, они зашли в пустой вагон.

«Надеюсь, здесь обойдется без фанатских акций», — подумал Вадим.

В поезде было прохладно. В глубине вагона парень что-то увлеченно рассказывал своей спутнице в белой блузке, изображал в лицах и жестиках:

— Но христианство, оно как бы основано на всепрощении, в отличие от язычества, — говорил он. — Христианство — это гуманизм, язычество...

Несколько рядов в вагоне занимали уставшие интеллигентные ребята в военной форме. Вадим всмотрелся в погоны. На них желтой нитью была вышита аббревиатура «ВУЦ». Понятно, студенты.

Из-за комфортной температуры Ингу начало клонить в сон, ее глаза закрывались. Она положила голову на плечо Вадима: «Тебе так не больно?», он обнял ее, стараясь не делать резких движений.

Часы показывали 19:10.

«Должны успеть», — подумал Вадим и тоже задремал.

Их неглубокий сон прервал чей-то жалобный голос. Старушка бомжеватого вида шаркала между рядов и, озираясь, повторяла как заклинание: «Подайте, хоть сколечко. Подайте, хоть сколечко...»

Вагон быстро заполнил отвратительный запах.

Инга смотрела на попрошайку жалобным взглядом. Бабка подошла к парню с девушкой в белой блузке.

«Самому бы кто подал, бабуля!» — улыбаясь, бойко произнес парень и мгновенно устался на подругу, ожидая, видимо, смеха, но она не отрывалась от смартфона.

Какую-то мелочь передал старушке один из студентов в армейской форме. Не желая дотрагиваться до ее руки, курсант ссыпал деньги в усохшую ладонь, несколько монет упали и покатались по полу. Парень коротко выругался, быстро поднялся, собрал мелочь, еще раз сунул их причитающей старушке в ладонь, сел на место и уткнулся в окно.

— Нет мелочи, мать, извини, — стараясь не смотреть в лицо попрошайке, произнес Вадим, когда бабка добралась до них.

— Подождите, у меня, по-моему, есть! — всполошившись, протараторила Инга, поставила рюкзак себе на колени и стала в нем что-то искать.

— Нету у тебя, — раздраженно сказал Вадим, желая, чтоб попрошайка быстрее ушла в другой вагон.

— Есть, — убежденно сказала Инга, копаясь в сумке.

— Поддай, дочка, ради Христа, поддай, — продолжала свои причитания старуха.

Инга на секунду замешкалась, быстро взглянула на бабку:

— Возьмите, — сказала она и протянула нищенке зеленую двухсотрублевую бумажку.

— Боженька тебя не оставит, дочка, здоровья тебе, дай тебе Бог... — с новой силой стала голосить нищенка.

Вадим посмотрел в окно. Зной, судя по всему, наконец, отступал. Уставшее за день солнце уже не слепило. Лишь мерцало, закатываясь за сосны.

Когда старуха ушла, Вадим сказал:

— Могла бы себе что-нибудь купить.

На коленях у Инги так и стоял рюкзак. Она повернула к Вадиму голову, чуть заметно улыбнулась и положила подбородок ему на плечо.

— Просто ты, мой любимый балбес, не знаешь, что такое голод, — сказала Инга.

«Как будто ты знаешь», — хотел ответить Вадим, но вовремя осекся. Повторять идиотские истории о том, что у каждого нищего на самом деле есть трехэтажный особняк, он тем более не стал. Вместо этого Вадим несколько раз поцеловал зажмурившуюся от удовольствия Ингу.

— Какая станция сейчас? — спросила она после поцелуя.

— Не знаю, вроде как наша, — присмотрелся в окно Вадим. — Да, сейчас наша — «Восход».

Под ногами трещали шишки. Сосны подпирали остывающее небо. Дорога пролегла через хвойный лес, — оставалось пройти километра полтора. Инга молчала. Перешагивая через редкие коряги, она аккуратно брала Вадима за руку. Слышалось пение невидимых птиц.

— Мой любимый запах — это запах хвойных деревьев, — наконец, прервала молчание Инга. — Ну, не самый любимый, а на втором месте.

Говорила она серьезно.

— А какой на первом? — механически спросил Вадим.

— Твой, — просто ответила она и чуть заметно улыбнулась.

Вадим остановился, притянул ее к себе и крепко обнял. Так они стояли секунд десять, он уже хотел продолжить идти, но Инга не отпускала: «Подожди». Они постояли, обнявшись, еще несколько секунд. «Пойдем», — наконец сказала Инга.

Вадим почувствовал, как она замедляет шаг. Он поправил рюкзак, обнял Ингу за плечи рукой и стал аккуратно ускорять темп ходьбы. Инга грустно взглянула на Вадима.

— Я сейчас, наверное, скажу что-то очень-очень банальное, и ты решишь, что я правда дура, — снова заговорила Инга. — Ну и решай, если хочешь. В общем, я бы хотела, чтобы эта дорога не кончалась.

Вадим ничего не сказал, только прижал Ингу посильнее и поцеловал на ходу в плечо.

В соснах наконец показалось деревянное здание.

— Почти пришли, — сказал Вадим.

Инга кивнула, мрачно взглянув вперед.

— Ну, заяц, ты что? Я же рядом всегда.

— Нет, все хорошо, — произнесла Инга, стараясь улыбаться.

Строение напоминало корпус пионерского лагеря, с той лишь разницей, что к торцу был неуклюже пристроен невысокий кирпичный забор в выцветшей побелке. Двери главного входа, покрытые хлопьями осыпающейся желтой краски, казались намертво заколоченными много лет назад. У забора, на скамейке, молча курили двое худощавых мужчин. Одеты они были в старые спортивные костюмы, на ногах чернели шлепанцы.

Вадим и Инга остановились в нескольких десятках метров от здания.

— Тебе сигарет оставить? — спросил Вадим.

— Как хочешь, — ответила Инга.

Вадим достал пачку, посмотрел — внутри было чуть больше половины. Он огляделся по сторонам, положил зажигалку в пачку и спрятал ее во внутренний, «секретный», карман рюкзака.

— Вроде не видно, — сказал он.

— Спасибо, — сухо ответила Инга.

Из-за забора вышел высокий человек в потертых джинсах и сером пиджаке, в руке он нес выдавший виды кейс, обшитый, впрочем, добротной кожей. Неспешным шагом мужчина направился к Инге и Вадиму. Судя по выражению его лица, он давно разучился чему-либо удивляться.

— Здравствуйте, Аркадий Викторович! — нарочито бодрым голосом произнес Вадим и приобнял Ингу.

— Здравствуйте-здрасте, — ответил мужчина. — Так, а вы, девушка, почему на улице до сих пор?

Голос человека звучал устало и монотонно, хотя он и пытался придать ему ласковую строгость.

— Я иду, — произнесла Инга и взяла у Вадима рюкзак, при этом легко коснувшись его руки.

— Это... — запнулся Вадим. — Клубнику сейчас съешь, испортится.

Мужчина уже зашагал к пыльной «Ладе», вновь оставив их вдвоем. Инга исподлобья взглянула на Вадима, показалось, что ее глаза начинают блеснуть. Девушка притянула его к себе и поцеловала, впиваясь в губы. Вадим почувствовал, что она пытается выровнять обрывающееся дыхание.

— Пока. Спасибо за вечер, — сказала Инга и быстро отвернулась.

Уходя, она не оборачивалась.

Аркадий Викторович стоял напротив своей «Лады» и смотрел на нее, как опытный следок на подозреваемого. Презрительно вытянув губы, он устало ждал, когда салон машины остынет. Дверцы автомобиля были открыты.

— Кондиционер сломался, видишь? — не глядя на Вадима, сообщил мужчина, когда тот подошел. — На выходных в сервис поеду, а пока как в славном советском прошлом.

Вадим несколько секунд смотрел на машину. С открытыми дверцами ее дутый корпус напоминал неуклюжего жука, расправившего крылья.

— Аркадий Викторович, — обратился к мужчине Вадим. — Сегодня все было нормально, совсем как раньше. Инге обязательно тут находиться? Мне кажется, вы меня извините, конечно, ей здесь не место.

Не взглянув на Вадима, мужчина присел на корточки перед мордой автомобиля.

— И фары нужно отполировать, мутные совсем, так? По трассе не видно ничего, — озабоченно проговорил мужчина и со вздохом поднялся.

Вадим молчал. Аркадий Викторович вполборота сел на водительское сидение, завел двигатель — стартер поддался лишь с третьего раза, — нажал на рычажок, вода из жиклеров брызнула на пыльное лобовое. Дворники стали гонять по стеклу намоченные хвойные иглы.

— В приличный сервис сейчас так просто не запишешься, нужно ждать, — продолжал мужчина. — Абы кому ее отдавать тоже не хочется, правильно? Радиатор запустил, теперь езжу, как в бане. Запчасти еще дорожают. Причем все. Жена уже не верит, что я столько на машину трачу. Я ей говорю: «Милая, мне что, чеки показывать? Не смешно самой-то, нет?» Так вот...

Он помолчал.

— Это психоз, понимаешь? — спросил Аркадий Викторович, и в первую секунду Вадим даже не понял, о чем он. — Сегодня все может быть,

как раньше, а завтра — по-другому. Сам же ей пальцы в глотку засовывал, чтобы таблетки вышли, так ведь?

Слух Вадима резануло слово «глотка», но он ничего не сказал.

— Она может так и будет всю жизнь, как на качелях... И ты вместе с ней, да? — Последнюю фразу он произнес, отвернувшись в сторону, будто про себя. — Конечно, она скоро выйдет, но поверь мне, рано или поздно она сюда вернется.

Аркадий Викторович нажал на рычажок стеклоочистителя, но вода на стекло не брызнула. На его лице, изменившем выражение впервые с начала разговора, проступило изумление.

— Родителей теряет каждый, но не каждый сразу двоих и в шестнадцать, — задумчиво сказал Аркадий Викторович, всматриваясь в приборную панель. — Ну, корыто... Ну ты веришь в это вообще?

Аркадий Викторович стремительно обошел машину сзади, подошел к переднему сидению, подлез под торпеду и снял крышку блока предохранителей. Что-то шепча, он вытаскивал и вставлял реле. Вадим смотрел на согнувшуюся фигуру доктора. Вспоминался какой-то британский боевик, где отморозок раздробил голову конкурента дверцей автомобиля.

Через несколько минут Аркадий Викторович вернул крышку на место и выпрямился:

— Ладно, потом, — сказал он и обратился к Вадиму: — Так что вот так, лабильность у всех разная, психика — сложный механизм, правильно? Тебя подбросить?

— Нет, — ответил Вадим.

Он бы в любом случае с ним не поехал, да и после знойного дня хотелось насладиться прохладой.

Аркадий Викторович снова сел за руль и завел машину. Вадим хотел закурить, но вспомнил, что отдал пачку Инге. Он подошел к открытому боковому окну:

— У вас сигареты не будет?

— Будет, почему нет? — ответил доктор, достал из бардачка железный портсигар и протянул Вадиму. — Бери еще, — сказал он, — дорога дальняя.

Вадим ссыпал в карман несколько дешевых сигарет. Вдруг он заметил, что Аркадий Викторович внимательно смотрит ему в глаза:

— Что? — спросил Вадим.

— Знаешь, что нужно сделать, когда в твоей машине что-то ломается, когда с ней чего-то не так?

— И что же?

— Новую купить, понял? — доктор поднял стекло и, пробуксовав на песке, тронулся с места.

Вадим шел по тому же пути, по которому он полчаса назад провожал Ингу. Проступали признаки угасания дня, кроны сосен, покинутые солнечным светом, казалось, стали более контрастными на фоне холодящего неба. Цвета, отдохнув от зноя, наливались соком.

Он представил палату, в которую вернулась Инга.

Несколько тусклых люминесцентных ламп, половина из которых наверняка не горит. Желтоватые стены в пятнах. Деревянный пол, накрытый рваным линолеумом. Продавленные панцирные кровати. Тумбочки без дверок. Мерзкий запах хлорки и больничного варева. Бесшумно лежат на койках соседки Инги.

О них она что-то рассказывала. С ней делила палату пожилая учитель-

ница, потерявшая сына в Чечне. Когда его объявили пропавшим без вести, она еще полгода ездила по разрушенным селам. Пыталась найти своего Лешу или хотя бы тело. Ведено, Алхан-Юрт, Ачхой-Мартан... Что там с ней происходило — одному Богу известно. Несколько дней назад в палату привезли девчонку, ровесницу Инги. Она неудачно вскрыла вены из-за несчастной любви. Инга, должно быть, уже готовится ко сну. Наверное, надо позвонить ей из электрички.

Вадим вышел к станции, на платформе сидел босой человек в брюках. Рубашки на нем не было, загорелую спину уродовал кривой шрам. Он кричал что-то бессвязное, вслушиваться Вадим не хотел. Вдруг будто из небытия материализовался второй:

— Стас, вставай, Стас, ты че, вставай, — повторял второй и пытался ухватить сидящего за руку. — Ну ты, Стас... Стас, давай...

Человек хотел сказать что-то еще, но не мог.

Вадим чувствовал опустошение. День был долгим.

Электричка подошла к платформе, свет в ее окнах стал заметнее — снаружи темнело. Вадим сел в хвосте пустого вагона, динамик прохрипел название станции. Внутри сидела женщина с дочкой. Девочка смешно вращала головой, один раз задержав взгляд на Вадиме. Свет в вагоне мерцал. Вадим достал телефон, минуту тупо рассматривал горящий экран, будто видел его впервые. Что-то произнес шепотом. Набрал номер, прозвучало два гудка: «Алло, Вика? Привет, это Вадим, узнала?»

